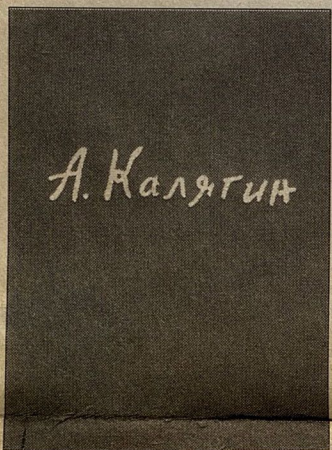


СЧАСТЛИВЫЙ беспорядок

В альбоме Александра Калягина итоги не подводятся

Григорий Заславский

Александр Калягин. Альбом.
— М., Издательский дом
Максима Светланова, 2002,
183 с.



Свою золотую рыбку Александр Калягин ловил вместе с друзьями.

Следуя афоризму «книга — лучший подарок», близкие друзья Калягина и первый среди них — Давид Смелянский, продюсер всех последних спектаклей театра «Et Cetera», к 60-летию артиста выпустили альбом.

«Такого ни у кого нет», — говорит теперь Александр Александрович, беря в руки большеформатный синий том. И он прав: не было и нет. И — что всего вероятнее — ни у кого больше не будет. Такая книга могла появиться только у него, умеющего превращать в театр все, что попадает под руку. В котором искренность, трогающая до слез, и театральность, волнующая до глубины души, так сплелись, что всякому слову в его исполнении веришь беспрекословно. Хотя ясно: не может человек его положения и опыта быть искренним во всем и во всякую минуту.

«Это не женщина, это — баллада ля-бемоль мажор», — вертелось в голове, когда, следуя за фантазией художника, за первой обложкой приходилось распаивать другую. За ней, в небольшом «окошечке», — портрет героя, с которым тут же приходится распрощаться, поскольку дальше — Шагал, а еще дальше — очередная «книжка-раскладка», и там — большая русская равнина и кривая русская дорога и надо еще поискать, чтобы на таком широком просторе отыскать большого русского актера.

Художник книги,
как психоаналитик,
который по фотографиям,
ассоциациям, обрывкам
писем должен сложить
правдивый портрет

чим, как будто и впрямь внезапно: что, мол, встречаемся сегодня с Никитой на официальных мероприятиях, что-то такое общепринятое друг другу говорим... Как странно все проходит! И какая зависимая у актера жизнь! Зависимая от любви режиссера, от случайного стече-

ния обстоятельств в его, режиссерской, жизни, от настроения...

Печали и радости, какие-то очень серьезные бумажки, сохранившиеся в домашнем архиве, какие-то глупости и дурацкие воспоминания — весь этот хлам, высокопарно именуемый

разворачивается одновременно на авансцене и в самой ее глубине. Фотографические «раскладки» позволяют войти «внутрь» снаружи обозначенного жизненного сюжета, чтобы потом разрозненные линии сложились в объемную фигуру судьбы.

Художник книги выступает в данном случае как психоаналитик, который по принесенным фотографиям, случайным ассоциациям, обрывкам писем и снов должен сложить более или менее правдивый портрет. Вот он и фантазирует с Шагалом, с какими-то орнаментами, с эпохой. Рядом с фотографией мальчика на детском стульчике (неужели и он, как один из его персонажей, «тоже бегал в валенках по горке ледяной»?!) — жизнеутверждающая открытка: «Счастливые рождаются под советской звездой!»

Боязнь подведения итогов и каких-то заключительных слов превращает альбом Калягина в подобие дома, разорванного в пору дальних сборов (впрочем, мемуарные книги в определенном смысле пишутся тоже в состоянии ожи-

дания — перед тем как отправиться в дальний путь): какие-то вещи уже уложены в аккуратную стопку, а рядом — посуда, не убранная со стола, и в беспорядке бумаги... Не было времени подвести итоги — значит, нет еще и повода «подбивать бабки», сводить концы с концами...

Время есть, и можно вспомнить и воспроизвести для потомков переписку с Ефремовым, — письма, написанные в свердловской гостинице летом 78-го года. Калягин собирается на съемки фильма Андрея Смирнова, Олег Николаевич его не отпускает, взывает к пониманию и говорит про общее дело. Калягин тоже надеется на понимание и говорит о своей судьбе. Слышна боль обоих, и обе правды понятны. И еще понятно, что сегодня не с кем и не о чем вести такой диалог... Механика роли, дневник роли. Роли Ленина, которого актер пытается выследить и высмотреть в себе, глядя в зеркало по утрам. И — не находит...

Текст, не написанный, а наговоренный, не гримируется под письменную речь. Речь устная, заметками, фрагментами из интервью удачно записана и перенесена на бумагу — с повторами, синкопирующими прыжками во времени.

Мемуары пишутся, когда автор ощущает в себе способность взглянуть на прошедшее «снаружи». А здесь автор еще не разошелся с героем книги, и потому они «оба» — внутри, и нам, одновременно читателям и зрителям, доставляет удовольствие наблюдать за ними в их принципиальной «незапечатленности», в их подвижности и неуловимости.

Такой живой, он, кажется, только что спорхнул с этих самых листов, выскочил, спрятался за очередной страницей, как за ширмой. Пытаешься догнать, резко переворачиваешь страницу: не там ли он, за поворотом? Но и там его уже нет. Осталась горка фотографий, несколько слов, которые, как тот самый рожок Мюнхгаузена, продолжает трубить и говорить голосом Калягина. Убеждая в том, что он сам, собственной своей персоной, был здесь, на каждой странице. ■

Калягин Д. Д.

27.02.03